

Глава 13

Инстанс Е-класса: Поместье «Грозовые дожди»

— Я же предупреждал тебя, не стоило перечить госпоже Майкл, — раздался из-за угла холодный, безжизненный голос.

Показалось бледное лицо, на котором кожа туго обтягивала кости. Это был дворецкий.

Лишившись зрителей, Мэн Шаньчуань снёс спящую госпожу вниз и вернулся на ровную поверхность.

Призрак Убийцы дождливой ночи, Чжан Цяна, убрал свой нож и застыл в позе покорного оцепенения. Зеркала на одежде Ван Шэна действительно работали — призрак не мог его атаковать и лишь для вида рубил трубы.

Ван Шэн безвольно обмяк, и дюжий слуга поместья взвалил его на плечо.

— Я попрошу госпожу Майкл отпустить их, — сказал Мэн Шаньчуань. — А до тех пор, пожалуйста, присмотри за ними.

Говоря это, он смотрел на дворецкого с невысказанной мольбой во взгляде.

— Мы ведь друзья, правда?

Дворецкий уставился на него. Его землисто-серое лицо делало его похожим на давно истлевший труп. Услышать эти слова снова, спустя столько времени, было для него всё равно что пережить целую жизнь заново.

В тот день Мэн Шаньчуань, рискуя быть избитым, сорвал для него объявление о найме дворецкого и сказал то же самое.

«Мы — друзья»

После этого Тощая Обезьяна, полный радостных надежд, отправился в Поместье «Грозовые дожди». Он и впрямь получил много денег, но ценой стала его нынешняя форма — ни человек, ни призрак, навеки прикованный к этому месту.

Но Тощая Обезьяна не ненавидел Мэн Шаньчуаня.

«Разве можно ненавидеть собаку?»

Мэн Шаньчуань был не столько трусом, сколько глупой собакой. Он руководствовался простейшими инстинктами: был добр к людям, не помнил зла. Даже если ты причинишь ему боль тысячу раз, при следующей встрече он всё равно будет вилять хвостом и лизать тебе руки.

Дворецкий относился к нему так же.

Он клеветал на юношу, избивал его, травил. Но делал это не из ненависти, а потому, что таков был их образ жизни. Когда все вокруг добывают деньги и статус, причиняя боль другим, такой чужак, как Мэн Шаньчуань, не желающий совершать преступлений, неизбежно становится изгоем.

И вот, смотрите: даже после всего, что Сяо Фан с ним сделал, парень всё равно лезет к нему, как собачонка. Поэтому Тоцая Обезьяна не ненавидел его. Он просто обращался с ним, как с умственно отсталым псом, — потакал ему.

— Я не могу послушаться приказа госпожи Майкл, — сказал дворецкий. — Но... я могу попытаться вывести их из поместья.

Разумеется, это была ложь.

Раньше Тоцая Обезьяна приносил Мэн Шаньчуаню молоко со снотворным, чтобы с наступлением ночи юная госпожа спала достаточно крепко.

Теперь он жалел об этом. Если бы не снотворное, госпожа давно бы познала весь ужас этого места и не осмелилась бы соблазнять Мэн Шаньчуаня. А тот, в свою очередь, не увяз бы так глубоко.

В поместье повсюду были глаза и уши хозяйки, поэтому Сяо Фан был в курсе всего, что происходило между молодыми людьми.

Всего несколько легковесных фраз, вроде «я верю, ты не убийца», несколько уроков аристократической грамоты — и Мэн Шаньчуань был готов на всё ради неё.

Когда он станет номинальным хозяином поместья, кто осмелится назвать его убийцей? Вся библиотека будет в его распоряжении, он сможет читать сколько душе угодно. Всё, что могла дать ему госпожа, госпожа Майкл могла дать в десятикратном, стократном, тысячекратном размере.

Тот статус, которого Юй Ю не мог ему дать, госпожа Майкл предлагала в полной мере — предел того, чего Мэн Шаньчуань мог достичь в этой жизни.

Дворецкий не раз вспоминал, как тот умолял свою госпожу:

«Пожалуйста, позвольте мне стать вашим слугой»

«Пожалуйста, заберите меня с собой»

Госпожа Майкл считала Мэн Шаньчуаня идеальным кандидатом в мужья. Тощая Обезьяна был с ней не согласен. Он слишком хорошо знал приятеля — жалкий слабак, который никогда не осмелится по-настоящему замарать руки.

Он положил Юй Ю на сервировочную тележку. Тот спал глубоким сном, его шея безвольно свесилась, словно у лебедя, готового к закланию.

Когда Сяо Фан покатил тележку, что-то застряло под колесом. Он наклонился и увидел маленькую деревянную куклу. Дворецкий отшвырнул её в сторону. Наверняка игрушка кого-то из агнцев.

Вечно разбрасывают свои вещи, как малые дети. Впрочем, джентльмену Майклу и всем приглашённым гостям это в них как раз и нравилось.

Подняв голову, он увидел в дверях человека.

Это был Мэн Шаньчуань.

Тощая Обезьяна посмотрел на него с ледяным выражением лица.

— Что ты здесь делаешь? Разве ты не должен быть с госпожой?

— А ты? — спросил Мэн Шаньчуань.

Картина перед глазами никак не вязалась с обещанием дворецкого отправить её в безопасное место. Сяо Фан посмотрел на него почти с жалостью.

— Я делаю это ради твоего же блага.

Он говорил это искренне. Госпожа Майкл не потерпит, чтобы сердце её нового мужа принадлежало другой женщине.

— Я поступаю так, потому что считаю тебя другом. Послушай моего совета, возвращайся, не зли госпожу.

Говоря это, он снова потащил Юй Ю на тележку. Зацепившись за куклу, тот соскользнул с неё и теперь бессильно прислонился к краю кровати. Но Мэн Шаньчуань не двигался с места.

Терпение Тощей Обезьяны было на исходе.

— Я говорю тебе, тру... — злобно начал он.

Его взгляд замер на нескольких каплях крови, забрызгавших лицо собеседника.

Зрачки Мэн Шаньчуаня казались слегка расфокусированными. После того как Юй Ю остриг ему чёлку, его лицо невольно притягивало взгляд. Но этого было мало. Настоящему главному герою, помимо внешности, нужен был захватывающий сюжет.

Он не мог быть тем, кто безропотно сносит побои и оскорбления. К сожалению, персонаж Мэн Шаньчуаня всегда был удручающе скучным.

Такая важная роль, как у главного героя, не могла достаться трусу.

Мэн Шаньчуань тоже увидел своё отражение в зеркале. Несколько алых точек на его коже бросались в глаза.

— Ах, прошу прощения, — он словно очнулся и кончиками пальцев стёр кровь.

«Откуда на твоём лице кровь?»

Дворецкий хотел спросить, но слова застряли в горле. Он чувствовал себя напыщенной уткой, которую схватила невидимая рука.

Как он мог не знать, откуда кровь? Он ведь сам проводил Мэн Шаньчуаня в покои госпожи Майкл. За дверью ждало множество слуг.

— Мне очень жаль, Сяо Фан, — сказал Мэн Шаньчуань и пошёл к нему.

Комната была полна зеркал, и в их отражениях казалось, что на дворецкого со всех сторон надвигается целая армия.

Где остальные? Где слуги за дверью? Почему так тихо?

В поместье стояла жуткая тишина, нарушаемая лишь громом и вспышками молний за окном. Только сейчас Тощая Обезьяна вспомнил, что, когда госпожу Чжао утаскивали, в её глазах был неподдельный ужас, и направлен он был на Мэн Шаньчуаня.

Тогда он не придавал этому значения, списав всё на её жадность и заслуженное наказание. Но теперь некоторые детали всплыли в его памяти с пугающей ясностью.

Госпожу Чжао, как женщину, не приглашали в подвал. Она никак не могла слышать разговор между её мужем и джентльменом Майклом, происходивший за звуконепроницаемой дверью.

Мэн Шаньчуаня пригласили после господина Чжао, но он пробыл у двери всего мгновение и ушёл. Тогда дворецкий подумал, что тот просто струсил. Но теперь он понял: за это мгновение парень успел сделать лишь одно — приоткрыть дверь в подвал.

Именно так госпожа Чжао и услышала разговор о смертельных условиях. Будучи женщиной смелой и безжалостной, она в ту же ночь расправилась со своим мужем.

На следующий день, вскоре после того как Мэн Шаньчуань и юная госпожа побывали в библиотеке, госпожа Чжао проскользнула туда же. К тому времени она уже лишилась статуса жены богатого торговца и не имела права входить. Сяо Фан, как дворецкий, конечно же, должен был её остановить.

И именно в этот момент Мэн Шаньчуань попросил его принести стакан молока.

На самом деле эта просьба, если вдуматься, была странной. Ведь всего два часа назад Тошя Обезьяна уже приносил ему молоко.

Когда он вернулся в библиотеку, госпожа Чжао уже украла бухгалтерскую книгу. А одна из книг на верхней полке носила явные следы того, что её много раз доставали и ставили на место.

Это была родословная книга, в которой описывалось, как госпожа Майкл, выходя замуж, раз за разом приумножала своё состояние. Следы на обложке могли означать лишь одно: кто-то заранее достал этот фолиант и поставил его так, чтобы он бросался в глаза. Чтобы пришедшая позже госпожа Чжао сразу его заметила.

Так внезапно разгоревшаяся жадность женщины обрела логическое объяснение.

И всё это, возможно, с самого начала было спровоцировано неуважением господина Чжао к Юй Ю. Спровоцировано тем самым взглядом, который Мэн Шаньчуань бросил на него в первый вечер.

Мэн Шаньчуань уже положил руку на плечо Тошей Обезьяны. В глазах последнего это выглядело так, словно бесчисленные отражения в зеркалах одновременно протянули к нему руки.

На юноше были новые белые перчатки, и лишь на кончиках пальцев, которыми он только что

стирал кровь, виднелось пятнышко.

«В каких случаях надевают белые перчатки? — мелькнула в голове дворецкого жуткая мысль. — Только тогда, когда палач вынужден взяться за работу, но не хочет пачкать руки».

С последней надеждой на человечность, Тощая Обезьяна спросил:

— Почему ты отдал мне место дворецкого? Ты что, с самого начала знал, что это за место?

Как и сказала госпожа Майкл:

— Вы же не думаете, что мы туда-сюда возим камни.

Сяо Фан не верил. Он и не ненавидел Мэн Шаньчуаня. Разве можно ненавидеть собаку? Он наверняка ничего не знал, просто его доброта обернулась бедой...

Мэн Шаньчуань посмотрел на него и искренне ответил:

— Я знал.

На глазах Тощей Обезьяны «собака» превратилась в человека.

— Потому что ты мой друг, — сказал Мэн Шаньчуань. — Я добуду для тебя то, чего ты хочешь.

Это были те же слова, что он произнес, отдавая ему объявление. Сейчас он лишь повторил их.

Его тон был таким искренним, словно он был самым заботливым другом. Но именно в этой искренности проступила его нечеловеческая суть.

И несчастный Тощая Обезьяна лишь сейчас, наконец, понял истинный смысл этих слов. Он жестоко ошибся. Мэн Шаньчуань был даже не человеком. Он был бездушным демоном.

<http://bllate.org/book/15999/1499141>